

О. А. Ефремов*

«ПРАВОСЛАВНОЕ ХОЗЯЙСТВО»: ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ**

Статья посвящена проблеме взаимосвязи христианских принципов с определенными формами социальной организации, в первую очередь экономических отношений. На основании Евангелия и святоотеческого наследия выясняется отношение христианства к проблемам собственности, богатству, бедности, труду. Формулируется понятие достатка как должного уровня благосостояния христианина, позволяющего в максимальной степени избегать соблазнов, порожденных скудостью и роскошью. Особое внимание уделяется совместимости христианства с социализмом и капитализмом. Отмечается, что ни одна из возможных социальных моделей не будет полным воплощением христианских идеалов, однако исповедание людьми христианства не только на словах, но и на деле может существенно изменить любое общество. Критикуются представленные в отечественной мысли концепции христианского (православного) социализма, как начала XX в. (С. Н. Булгаков), так и современные (В. Ю. Катасонов и Н. В. Сомин). Отмечается, что капитализм, объективно являющийся единственно жизнеспособной формой организации общества в современном мире, вполне совместим с христианством — не более и не менее, чем любая иная общественная формация. Утверждается, что православие в состоянии смягчить наиболее существенные недостатки капитализма, не только приближая его к своим идеалам, но и делая более стабильным и эффективным социально.

Ключевые слова: православие, хозяйство, философия хозяйства, православный социализм, капитализм, достаток, собственность, бедность, богатство.

---

* Ефремов Олег Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; olaefr@yandex.ru

** Статья написана при поддержке фонда РФФИ № 18-011-00980 А «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического знания»; Статья подготовлена в рамках ведущей научной школы МГУ «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

This article is devoted to the problem of the relationship of Christian principles with certain forms of social organization, primarily economic relations. On the basis of the Gospel and the patristic heritage, the attitude of Christianity to the problems of property, wealth, poverty, and labor is revealed. The concept of “affluence” is formulated as a proper level of well-being of a Christian, which allows to avoid as much as possible the temptations generated by poverty and luxury. Special attention is paid to the compatibility of Christianity with socialism and capitalism. It is noted that none of the possible social models will be the full embodiment of Christian ideals. However, people professing Christianity not only in words, but also in practice can significantly change any society. The authors criticize the concepts of Christian (Orthodox) socialism presented in Russian thought, both at the beginning of the XX century (S. N. Bulgakov) and modern ones (V. Yu. Katasonov and N. V. Somin). It is noted that capitalism, which is objectively the only viable form of social organization in the modern world, is quite compatible with Christianity — no more or less than any other social formation. It is argued that Orthodoxy is able to mitigate the most significant disadvantages of capitalism, not only bringing it closer to its ideals, but also making it more stable and effective socially.

Keywords: Orthodoxy, economy, philosophy of economy, Orthodox socialism, capitalism, prosperity, property, poverty, wealth.

Более ста лет в отечественной философии существует особая область — философия хозяйства. Возникновение, да и последующее развитие философии хозяйства тесно связано с религиозной (православной) традицией. Данная статья посвящена проблеме взаимосвязи православного отношения к хозяйству и конкретных форм организации хозяйственной жизни, включенных в определенные социальные модели — «социализм» и «капитализм».

Мы оставляем за рамками данной статьи рассмотрение западных концепций христианского социализма, сосредоточившись только на отечественной православной традиции. Анализ католических и протестантских концепций, а также их соотношение с православной трактовкой могло бы стать темой отдельного исследования.

Но предварительно необходимо выяснить специфику восприятия в православии некоторых хозяйственных институтов, обратившись к Евангелию и святоотеческому наследию. Следует сказать, что данные вопросы, затрагивавшиеся в теологической и философской православной литературе начала XX в., сейчас снова привлекли интерес. Причем, как это ни прискорбно, целью обращения часто является попытка превратить Святых Отцов в «борцов за дело социализма» против «эгоистичного мира капиталистической эксплуатации». На наш взгляд, это неоправданная модернизация.

Отдавая дань истории исследования вопроса, начать можно с проблемы собственности. Разумеется, Святые отцы ставили ее далеко не так социологично, как современные авторы. Для них это, скорее, с одной стороны, вопрос индивидуальности и общинности, с другой — вопрос богатства, приумножения имущества. Частная собственность и богатство воспринимались Святыми Отцами как источник искушения, таящий в себе множество опасностей для христианина (с этим связаны негативные высказывания о них). Но именно поэтому так важно выработать правильное отношение к этим явлениям тварного мира.

Проблема решается исходя из двух принципов.

Во-первых, знания о том, что в мире — все Божие, а потому собственность, находящаяся в руках какого-то человека, лишь «передана» ему на время в управление и должна быть использована не по произволу «собственника», а по воле Божией. По встречающемуся в литературе меткому выражению, применяемому к русским купцам старообрядцам, люди-собственники — лишь «Божии менеджеры» («Божии управители», словами В. П. Рябушинского). Стремление присвоить Божие исключительно себе однозначно осуждается. Об этом писал и В. И. Экземплярский [21, с. 19–20].

Во-вторых, использование собственности должно подчиняться законам любви. А любовь требует особого отношения как к своим соучастникам в производстве, так и к ближним, испытывающим в чем-то нужду. Следует отметить, что Святых отцов больше интересует не момент использования собственности в производстве, а скорее распределительный момент. Важно, чтобы каждый, обладающий чем-то, особенно в избытке, готов был поделиться с пребывающим в скудости. Оба указанных принципа тесно связаны между собой — ведь если то, чем я владею, в конце концов Божие, то и подобает мне предоставлять это в общее пользование, если возникнет таковая необходимость.

Можно утверждать в какой-то мере, что восприятие собственности как ресурса, переданного Божией волей в управление во всеобщее благо, превращает любую собственность в подлинно общественную, независимо от правовых форм. Возможно, в этом также лежит разрешение противоречия частной собственности и христианского единства.

Собственность в такой ситуации становится всего лишь одним из «талантов», данных Богом конкретному лицу для употребления в общую пользу. Умелое использование собственности в производстве (а не только потреблении) тоже может быть проявлением любви. Почему предприниматель должен обязательно «служить мамоне»? Настоящий предприниматель ставит «мамону» на службу себе и людям.

Обращается особое внимание на опасность привязанности к своему имуществу и надежду на него. Предметом активного обсуждения становятся евангельские сюжеты о богатом юноше (Мф. 19: 16–29; Мк. 10: 17–30; Лк. 18: 18–27) и неразумном богаче (Лк. 12: 16–21).

В первом случае, юноша не достигает совершенства именно в силу привязанности к имуществу, а не в силу своего богатства как такового. Проблема не в том, что имущество у него есть, а в том, что он не готов с ним расстаться ради «сокровища на небесах». Призыв Учителя для него слабее, чем чувство собственности; Царство Божие и «правда его» менее значимы для юноши, чем земное богатство. Он не оказался среди тех, кто легко оставил и свой промысел, и прежнюю жизнь, и семьи, как сделали Петр, Андрей и другие ученики.

Часто данный сюжет используется для доказательства того, что имеющему богатство спастись невозможно вообще. Действительно, ряд толкований дает для этого основания. Однако Господь говорит не «невозможно», но «трудно», а также о том, что: «невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27). Здесь указывается на сложность борьбы с искушением, проистекающим из богатства, но с помощью Божией успех возможен.

Характерно различие толкований на данный сюжет, принадлежащих Феофилакту Болгарскому. В «Толковании на Евангелие от Матфея» он занимает радикальную точку зрения — богатому спастись невозможно, условие спасение — полная раздача имущества. А вот в «Толковании на Евангелие от Марка» и в «Толковании на Евангелие от Луки» точка зрения Феофилакта уточняется. Во-первых, утверждается, что спастись можно, изменив свой взгляд на собственность, а именно воспринимая ее в смысле, рассмотренном выше, — как переданное Богом в управление. Ибо «иное дело — домоправитель, иное — богач» [1, с. 379]. Во-вторых, избавившись от привязанности к богатству, «одержимости» им по «немощи человеческой», сребролюбия, и имея должное отношение к нему.

Не богатство само по себе есть зло, а берегущие его злы и достойны осуждения, ибо должно не иметь его, т. е. держать у себя, а употреблять на пользу. Оно потому и называется богатством, что назначено для полезного употребления, а не для сбережения [2, с. 117].

В-третьих, поскольку это трудно, следует взрастить в себе доброе намерение и уповать на помощь и милость Божию. И, наконец, в-четвертых, имея правильные намерения и стремления, не обязательно даже раздавать все имущество, ведь «по человеколюбию Божию возможно бывает спастись и в том случае, если несколько частей уделить на действительную пользу» [1, с. 381].

Второй известный евангельский сюжет связан с упованием на богатство, когда обладание им возвышает человека в своих собственных глазах, служит средством распутства и питает сластолюбие, создает иллюзию безопасности, заставляющую забыть как об истинных сокровищах на небесах, так и о том, что все в воле Божией — и имущество человека, и его собственная судьба. Неразумный богач демонстрирует отношение к имуществу, прямо противоположное христианскому, нарушающее всю иерархию христианских ценностей. Потому, как комментирует Феофилакт, «говорится, что у него душу возьмут, как бы у какого упрямого должника, преданного в руки жестоких сборщиков» [1, с. 232].

В начале притчи Иисус предупреждает: «берегитесь любостяжания» (Лк. 12: 15). Не богатства как такового, но страсти любостяжания!

А заканчивается притча о неразумном богаче весьма важным для обсуждаемой темы стихом: «Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Лк. 12: 21).

Что же означает «в Бога богатеть»?

Ряд авторитетных толкований указывает на то, что в данном случае речь идет о приобретении истинных, невещественных благ. Однако почему этим заканчивается притча о земном богатстве? Не дает ли Господь здесь очень важного указания о цели приобретения богатства земного? Не устанавливает ли связь между богатством земным и духовным? Не видим ли мы здесь цели, которой призвано служить земное богатство? Нет ли в этом стихе скрытого оправдания приобретения земного богатства? Неоднократно цитированный уже Феофилакт Болгарский говорит так:

будем стараться богатеть в Бога, т. е. на Него уповать, Его считать нашим богатством и хранилищем богатства. Не будем говорить «блага мои», но — «блага Божии». Если же блага Божии, то не будем отчуждать Бога от Его благ. Богатеть в Бога — значит веровать, что если я и все свое отдам и истошу, то и тогда ни в чем необходимом у меня не будет недостатка. Ибо сокровищница моих благ есть Бог — я отворяю и беру, что нужно [1, с. 232–233].

Таким образом, должное отношение к богатству, выражающееся в соответствующем его употреблении, способствует делу спасения. Любопытно, что проповедники также связывали между собой два вида богатства. Так, св. праведный Иоанн Кронштадтский в Поучении на указанный фрагмент в Евангелии, призывал своих чад «в Бога богатеть, т. е. богатеть милосердием, правдою и вообще добрыми делами» [12, с. 332], используя для этого свои земные достояния.

Сказанное сочетается и другой известной евангельской притчей — о неправедном богатстве (Лк. 16: 1–9), где земное богатство, не всегда чистое по происхождению и по прежнему использованию, может послужить приумножению богатства небесного.

Действительно, сокровища земные должны быть средством приобретения сокровищ истинных, небесных, которые «ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6: 20).

Неправедность богатства совершенно не означает, что у человека «развязаны руки» в способах приобретения благ, лишь бы использования их было правильным. Разумеется, возможность «имущественного» покаяния всегда открыта — вспомним ситуацию с Закхеем (Лк. 19: 1–10). Но и сама хозяйственная деятельность должна быть подчинена нравственным правилам и занимать подобающее ей место в мыслях и действиях человека.

Если богатство вызывало опасение как источник искушения, преодоление которого требовало серьезных духовных усилий, но будучи осуществлено вело к спасению, то как быть с бедностью?

Принято считать, что бедность, и даже нищета, приветствовалась евангельским учением. На наш взгляд, во-первых, следует различать добровольную бедность, выступавшую частью духовного подвига, проявлением нестяжания, братолюбия и смирения, и бедность вынужденную. Первая, действительно, достойна похвалы; последняя — снисхождения и участия (а в случае достойного ее перенесения — также одобрения). Подобная бедность, противопоставляемая «недолжному» богатству, с неизбежными последствиями того и другого наиболее ярко представлена в притче о Лазаре (Лк. 16: 19–31). Во-вторых, как и в случае с богатством, важна не столько бедность сама по себе, сколько ее влияние на душевное спасение. Если богатство связано с любостыжанием, сребролюбием, эгоизмом, гордыней, праздным беспокойством, то и бедность может вызывать зависть, осуждение, злобу и т. д. Есть и особая форма гордыни, связанная с бедностью. Когда человек, по лености или распущенности, пребывающий в нищете, считает себя ближе к христианским идеалам, ибо лишен богатства и, как он считает, стяжательности. Такое вот своеобразное понимание евангельского учения, к сожалению, довольно распространенное на Руси. И в том, и в другом случае (равно с богатством и бедностью) может

происходить извращение ценностной иерархии: мамона (обладаемая или возделаемая) становится выше Бога. Соответственно, и бедность может вести не к спасению, а к гибели.

Представляется, что богатство и бедность — разновидности испытаний, выпадающих на долю человека в земной жизни. И то, и другое может стать путем как к гибели, так и к спасению. Должным образом сносить и ценить бедность не менее (но, возможно, и не более) тяжело, чем богатство. Видимо, к ним следует относиться как к «талантам», способным при правильном использовании приносить полезные плоды, а при неправильном — послужить заслуженному осуждению. Почему же Св. Отцы в первую очередь предупреждали об опасностях богатства? Потому что искушения, порождаемые им, более заметны, представлялись более актуальными, чем искушения, порождаемые бедностью. Но и они не оставались без внимания.

Должное материальное благосостояние человека, учитывающее как чисто материальный, так и духовный аспекты, в русском языке выражается словом «достаток». Достаток — уровень материального благосостояния, способный обеспечить создание, воссоздание, поддержку должного устройства, целостности человека, а не разрушающий эту целостность.

Достаток разный не только для людей разного образа жизни (монашествующих и мирян, например), но и для каждого человека в особенности. Достаток бизнесмена может отличаться от достатка рабочего, а достаток многодетной семьи от достатка одинокого холостяка. Одному необходимо больше, другому меньше.

Достаток — не столько середина между богатством и бедностью, сколько нечто, противостоящее как роскоши, так и скудости. Ибо богатство и бедность — просто размер дохода. Роскошь — избыток материальных благ, используемых на себя, сопряженный со сребролюбием, гордыней, эгоизмом; скудость — гнетущая недостаточность во всем, порождающая уныние и ропот. Этимологически слово «достаток» связано со словом «достоинство», в то время как «скудость» с «паскудством», а «роскошь» — с «наслаждением», «сладострастием». Следовательно, здесь речь идет не столько о размере имущества, сколько о воздействии его на человека, не только о материальном, но и о духовном.

Призывая не привязываться к имуществу, щедро творить милостыню, не гнущаться нищеты, поощряя добровольную бедность (свободу от имущественной зависимости), наставники христиан вовсе не поддерживали праздность и паразитизм. Ведь даже апостолы трудились, обеспечивая себя необходимым, стремясь не обременять паству (см.: 2-е Фес. 3: 8–10). Подвижники веры тоже не признавали праздности, питаясь трудами рук своих, совмещая молитву и рукоделие. В труде виделось не только средство самообеспечения, но и путь к воспитанию смирения, духовному совершенствованию. «Возлюби труд, и вскоре пошлетя тебе спокойствие от Бога» [11, с. 15], — говорил св. Антоний Великий. Причем трудом считалась не только деятельность сугубо хозяйственная, но и проповедь. Иисус, отправляя апостолов нести слово Божие и наказывая ничего лишнего с собой не брать, напутствует своих учеников: «Трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10: 10). Позже возникнет словосочетание «молитвенный труд», т. е. сама молитва станет разновидностью труда, отличной от рукоделия.

Теперь перейдем к проблеме, активно обсуждавшейся в начале XX в. и по сей день не утратившей актуальности, — взаимосвязи православного отношения к экономике с теми или иными формами социальной организации.

Наиболее распространенная в отечественной литературе обеих эпох точка зрения — капитализм жестко противоречит православному (и вообще христианским) принципам; а т. н. социализм к ним гораздо ближе. Необходимо учесть следующее: капитализм при этом понимался достаточно однобоко — как эксплуататорское общество, основанное на эгоизме и стремлении к прибыли любой ценой; социализм же — как идеализированный проект. Причем подобная трактовка социализма была присуща не только началу XX в., когда еще не было опыта осуществления социалистической идеи, но и началу XXI. Действительность советского и вообще «реального» социализма либо также идеализировалась, либо объявлялась искаженной атеистическим мировоззрением.

В качестве примера воззрений начала XX в. можно рассмотреть позицию С. Н. Булгакова, выраженную особенно ярко в работе «Христианство и социализм». О капитализме о. Сергей высказывается четко и однозначно: «Капитализм есть организованный эгоизм, который сознательно и принципиально отрицает подчиненность хозяйства высшим началам нравственности и религии; он есть служение мамону, маммонизм» [4, с. 288]. Причем, о. Сергей сомневается даже в социальной эффективности капитализма, хотя и признает его хозяйственную мощь:

Если по духовной природе своей капитализм в значительной мере является идолопоклонством, то по своему общественному значению для социальной жизни он покрыт преступлениями, и история капитала есть печальная, жуткая повесть о человеческой бессердечности и себялюбии [4, с. 288].

По мнению о. Сергия, социализм совершенно прав в своем обличении капитализма, но при этом он сам им отравлен. Христианство призвано вытравить из социализма занесенный в него капитализмом «мещанский дух», напитать его духовным содержанием:

Основная мысль «христианского социализма» состоит в том, что между христианством и социализмом может и должно существовать положительное соотношение. Христианство дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни [4, с. 289].

При этом, однако, стоит заметить, что многие авторы высказывают сомнение в том, что взгляды С. Н. Булгакова можно считать социалистическими [18]. Социализм Булгакова — это прежде всего этически детерминированный антикапитализм. Подобным же образом, пожалуй, можно было бы охарактеризовать и взгляды Г. П. Федотова, которого тоже порой называют «христианским социалистом».

Популярные современные авторы В. Ю. Катасонов и Н. В. Сомин, во-первых, продолжают традицию антихристианского толкования природы

капитализма, противопоставляя ему религиозно интерпретированный социализм; во-вторых, различают на данном основании православную (истинную) и протестантскую (ложную) трактовки экономики как соответственно социалистическую и капиталистическую; в-третьих, отличают православный (истинно христианский) социализм от марксистского [8, с. 571; 14]. И отличие опять-таки духовное — не принуждение, а любовь (принуждение, впрочем, тоже допускается). При этом высказываются симпатии советским экономическим институтам (в т. ч. и в сталинском варианте) [14, с. 106] как более «справедливым» и одновременно более эффективным. Последнее особенно странно слышать от экономистов. Не только теория, но и история доказала нежизнеспособность централизованной (плановой) экономики, по крайней мере на современном этапе развития производства — она «провалилась» везде, где возникала.

Видимо, сторонники «православного социализма» понимают опасность прямого возрождения этатистской экономической модели сверху, путем властных директив, и противопоставляют капитализму образование малых православно-социалистических добровольных общин с постепенным превращением их в общенациональную экономику. Причем особое значение придается воспитанию христианина как созидателя подобной среды.

Именно через личность, через созданную им концепцию «хозяина» и «хозяйского ценения хозяйства» подходит к проблеме социальных форм П. Н. Савицкий. Его концепцию можно считать компромиссной, ибо отвергая как социализм, так и капитализм, он создает собственную модель хозяйственного жизнеустройства — хозяйнодержавие.

П. Н. Савицкий ставит очень непростой, но чрезвычайно важный вопрос о соотношении коллективного хозяина («хозяина-общества») и индивидуального («хозяина-личности»). Он полагает проблематичным связывать с хозяином-обществом все качества хозяина-личности, в частности отказывает ему в возможности иметь хозяйскую волю и хозяйский глаз, а также нести личную ответственность (вспомним: «партия ошибаться не может»). По словам Савицкого,

хозяин-общество... есть неполный, ослабленный, ущербленный хозяин... возможность «формальной заданности» хозяйского ценения и в то же время ослабленность властно-творческих хозяйских функций и лично-экономической ответственности отличает хозяина-общество... Когда физическая личность есть «хозяин» она как таковая, сильнее хозяина-общества [9, с. 237–238].

Но в то же время вмешательство хозяина-общества может быть необходимо в деятельности личностей, не являющихся хозяевами. Савицкий — сторонник сочетания двух начал, в этом и есть суть хозяйнодержавия. Но в каких формах оно осуществимо? Прежде всего Савицкий делит сферы хозяйственной деятельности — в сельском хозяйстве должно преобладать личное начало, в промышленности — баланс начал, в кредите — хозяин-общество.

С этой точки зрения он выступает противником равно капитализма и социализма. Отдавая должное собственно экономическим аспектам капитализма, Савицкий решительно выступает против «капиталистического духа» как духа

наживы. В социализме же неприемлемо абсолютное подавление хозяином-обществом хозяина-личности. По его словам, «социалистический строй есть в действительности и по существу строй экономического упадка» [9, с. 241].

Хозяйнодержавие — воплощение в действительности «хозяйных категорий хозяйства». Главная задача хозяйнодержавия — «насыщение экономической действительности лично-хозяйским началом» [9, с. 241], что вполне отвечает природе человека, но

человеческая природа несовершенна: не всякий способен быть субъектом хозяйского ценения; поэтому каждый, кто есть собственник и предприниматель, должен в системе хозяйнодержавия чувствовать на себе державное иго» [9, с. 241].

Хозяйнодержавие видится как соборное целое хозяев-личностей, объединенное и направляемое хозяином-обществом. Но личность в данном случае — не абстракция и не «совокупность общественных отношений», а конкретность, сохраняющая связь с Богом, представляющая собой — «богоисповедную, а не безбожную личность» [9, с. 242].

Понятие «хозяйственной соборности» — то, что позволяет отличить хозяйнодержавие от социокommунистического коллективизма.

В каких общественных формах может быть реализовано хозяйнодержавие? Желание отличить последний от капитализма и социализма не вносит ясности в концепцию Савицкого (на что справедливо указывали его критики).

На наш взгляд, единственное доступное сегодня воплощение хозяйнодержавия — регулируемый капитализм. Вопрос только в формах и целях данного регулирования. Очевидно, что оно может и должно выходить за рамки чисто экономических задач, преследуя более широкие общественные цели. Во имя этих целей приходится порой ограничивать и экономический эгоизм, что в конечном счете тоже может иметь одним из аспектов экономическую целесообразность. Но важнейшей государственной задачей (и в этом трудно не согласиться с П. Н. Савицким) должно быть хозяйственное воспитание граждан — воспитание в умении сочетать экономическую рациональность с видением более высоких и даже абсолютных целей и ценностей своей деятельности. И эта задача может быть решена вполне только в случае соработничества государства с иными институтами, прежде всего Церковью.

Мы готовы признать, что христианизация общества не может осуществляться иначе, как через христианизацию личности (это соответствует и принципам русской философии хозяйства). Но необходимо ли для этого сражаться с капитализмом, противопоставляя ему очередной социальный утопический проект?

Во-первых, нелепо искать общественную формацию, в полной мере воплощающую христианский идеал. Царство Божие на земле не построить. Для этого нужны «новое небо и новая земля». Только тогда можно будет увидеть «Святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба» (Откр 21: 2). И в том городе «смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (21: 4). Но все это будет уже вне человеческой истории и не силами человеческими может быть создано. Условия же земного бытия (в т. ч. и любые формы общественной организации)

всегда будут несовершенны, и несовершенство это выступает испытанием для человека.

Во-вторых, как нам представляется, следует постоянно помнить: «отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу» (Мф. 22: 21). Можно интерпретировать это и так — мы живем в мире объективных зависимостей, который не может быть переформатирован только нашей волей или просто проигнорирован ею — он всегда остается «принудительно данным» нам в качестве условий нашего существования — в этом особенность земного бытия. Собственно, подобная мысль проводится и Булгаковым в «Философии хозяйства», и Савицким в «Хозяине и хозяйстве». Причем речь идет не только о природных законах, но и о законах социальных. Общество — не менее «принудительно» организованная среда, чем природа.

Любая социальная модель должна быть эффективной — удовлетворять потребности составляющих общество людей, обеспечивая и совершенствуя общественное воспроизводство. Основа любой социальной системы — экономические отношения. Именно они призваны обеспечить оптимальный вариант распределения ограниченных ресурсов, который позволит в максимальной степени удовлетворить потребности людей.

Единственной эффективной формой социальной организации в современном мире остается капитализм. Даже его самые беспощадные критики (включая цитированного В. Ю. Катасонова), несмотря на небезосновательность своих претензий, никакой жизнеспособной альтернативы капитализму предложить не могут. Все исторические опыты подобного рода проваливались, по крайней мере на макроуровне и в более или менее продолжительной временной перспективе. Относится это и к т. н. социализму.

Если брать реальный социалистический опыт — он весьма плачевен (как бы не пытались это переинтерпретировать). И невозможно представить проблемы «социализма» как «ошибки» и «недочеты». Нет. Это системные пороки. Неустранимые и губительные. Они проявлялись в любой системе подобного типа. Причем во всех странах примерно одинаково (везде были свои «сталины», репрессии, подавление инакомыслия, идеологическое одурманивание, фатальные экономические диспропорции и т. д.). Кое-где недостатки (экономические, в части обеспечения ТНП) сглаживались (ГДР, ВНР), но (!) как раз за счет отступления от «кристального» социализма и поощрения частной инициативе. Для того, что бы сравнить экономические возможности капитализма и «социализма», достаточно сопоставить ФРГ и ГДР, Южную и Северную Корею. Важно понять, что все системные пороки подобного общества взаимосвязаны — так, репрессии имеют не только политическое (мобилизация и покорность), но и экономическое значение (стимулы к труду и масса дармовой рабочей силы) — хороша «любовь»! О сущностной связи государственного планирования и тоталитаризма писал Ф. фон Хайек (классический труд «Дорога к рабству») [17]. Он же доказывал экономическую несостоятельность тотального планирования и государственного контроля над экономикой. Практика полностью подтвердила выводы Хайека.

К слову сказать, в рамках т. н. социализма не возвращается, а уничтожается «добрый хозяин». Главное, в чем можно «обвинить» советскую систе-

му — уничтожение настоящего русского хозяина, прежде всего сельского, считавшегося «исходным типом», основой русского хозяина вообще — собственника, труженика и, пусть весьма своеобразно, но все-таки «богоносца», чувствовавшего связь и с родной землей, и с Небесным Отечеством. Причем уничтожение такого хозяина было не случайным, побочным следствием построения «светлого будущего», а целенаправленной политикой. За образец требовалось принять атеиста-пролетария, не имевшего ни Отечества, ни собственности — перекасти-поле без кола и двора. Человека массы, которым легко управлять. Не свободного члена соборного целого, а бездушный (душа «отменялась» вместе с Богом) винтик огромного механизма, согласно приветствовавшемуся технократическому мировоззрению. Металл вытеснял природу. Крестьянин должен был стать «сельским пролетарием». Стоит ли удивляться, что как только отменили де-факто действовавшее крепостное право, русская деревня опустела, и возрождать ее практически некому. «Сельские пролетарии» подались в «городские менеджеры».

У «социалистической» системы есть два достоинства (если брать социально-экономические аспекты) — способность к мгновенной мобилизации ресурсов для решения насущных задач и относительные социальное равенство и социальная защищенность.

Первым объясняется знаменитое «выиграли войну», «осуществили индустриализацию» и т. д. Правильно, но какой ценой? (Согласны, что иногда вопрос о цене не стоит.) И главное — к естественной эволюции экономические институты «социализма» не способны. Они могут только деградировать.

Второе «преимущество» весьма относительно. На самом деле «индустрополитаризм» (реальный социализм XX в.) — жесткое классовое эксплуататорское общество. Господствующий класс — государственные управленцы (в СССР этот класс назывался «номенклатура»). Специфика в том, что они не персональные частные собственники, а коллективные (любой мало-мальски грамотный экономист понимает, что государственная собственность — не синоним общественной, а разновидность частной). Особенности данного класса прекрасно показаны в работе М. Восленского «Номенклатура» [6]. Причем неравенство принимает весьма разнообразные формы, заставляющие сомневаться в «справедливости» этого общества, о которой очень любят говорить его защитники. Но даже они вынуждены признать, что справедливость снижается по мере эволюции «социализма» (именно поэтому в качестве «почти идеала» берется ранняя, сталинская, его форма). Подобная эволюция опять-таки не случайна, а объясняется изначально классовой природой данного общества.

Сомнительными выглядят и попытки переосмыслить положение Церкви в условиях реального социализма, объявляя официальный атеизм лишь временным и поверхностным явлением. Можно принять этот тезис только в том смысле, что атеистическая идеология рано или поздно принимает религиозный характер, сохраняя при этом статус и функции идеологии (выражения интересов господствующих классов). Научнообразный поначалу марксизм постепенно превращался в своеобразную идеологическую квазирелигию со своими божествами, священными текстами, культом и т. д.

Соответственно, у христианства и Церкви в условиях «реального социализма» могут быть только две функции — функция официального идеологического органа (подчиненной части государственного аппарата — в ослабленном виде это реализовалось в синодальный период) и функции «социального утешения». Обе функции были блестяще описаны в антиутопической литературе: первая в «Москве 2042» В. Войновича, вторая — в образе ворона Моисея в «Скотном дворе» Оруэлла. В любом случае христианство и Церковь будут не самостоятельны, утилитарны и подчинены интересам власти.

Теоретики «православного социализма» зачастую говорят не о действительном обществе, а о выдуманном идеале, никогда нигде не реализовывавшемся и не реализуемом. В данном случае — это умозрительная конструкция, взятая из христианского сознания, но не соотношенная с социальной реальностью, существующей по своим законам. А попытка подобного соотношения возвращает к сталинизму под «православной» вывеской.

Сознавая трудности защиты «реального социализма», а порой и прямо его отвергая, сторонники «христианской версии» обращаются к опыту небольших религиозных братств, построенных на социокommунитарных началах, возводя их прямо к апостольским идеалам. Для отечественных «христианских социалистов» таким примером выступает неплюевская община или, если следовать официальному названию — «Православное Крестовоздвиженское трудовое братство», существовавшее более 50 лет на рубеже XIX–XX вв. Признавая, что опыт данной общины нуждается в самом пристальном изучении, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, неплюевская община была создана в сугубо капиталистической среде, существовала и развивалась в условиях рынка как одна из возможных хозяйственных форм. В условиях «реального социализма» она была уничтожена.

Во-вторых, ее экономическая эффективность достаточно проблематична. В основе общины лежало колоссальное состояние основателя Н. Н. Неплюева. В этом плане действительно существовала преемственность с апостольскими общинами — не столько производилось новое, сколько проживалось имеющееся (созданное, кстати, вековым трудом крепостных).

В-третьих, необходимо проследить эволюцию общины — каким образом менялась форма кооперации при формальной неизменности идейных оснований.

В-четвертых, исследователи истории общины признают царившую там авторитарность, подавление индивидуальности и свободы при формальной их декларированности. Не является ли это проявлением сущностных признаков любого «социалистического проекта» — от бумажного (Мор и Кампанелла) до «реального» социализма?

Во всяком случае, можно признать, что община была опытом целостной организации жизни на христианской основе. Но при этом оставалась явлением локальным, попытки расширения которого проваливались.

В силу этого вызывают сомнения предположения В. Ю. Катасонова о возможности возникновения христианско-социалистической макросистемы через постепенное формирование сети локальных общин.

К тому же избавит ли общинный путь формирования православного социализма, на который уповает В. Ю. Катасонов, от деспотического этатизма?

Не будет ли это повторным визитом в уже изведанный тупик «реального социализма»?

Да, приходится признать, что в соответствии с объективными социальными законами капитализм безальтернативен. Но означает ли это духовную капитуляцию перед его недостатками? Означает ли это вынужденное рабство у мамоны и эгоизма?

Отнюдь. Прежде всего, не следует демонизировать капитализм. Он создает не меньше, но и не больше духовных опасностей, чем какие-либо иные социальные формации. Да, особенности капиталистического производства требуют учитывать интересы прибыли, проявлять частную инициативу, поощряют индивидуализм. На этом и построен конструкт смитовского «экономического человека». Но даже те, кто активно используют подобный конструкт (включая Смита), указывали, что это абстракция, которой отнюдь не исчерпывается живая человеческая личность, в т. ч. и в условиях капитализма. отождествлять личность с «экономическим человеком» и означает впадать в тот самый экономизм, который критиковал о. Сергей Булгаков. По его совершенно справедливым словам,

в душе человека сочетаются различные мотивы, как своекорыстные, так и идеальные, и политическая экономия никоим образом не должна вычеркивать из круга своего внимания мотивы второго рода. При определении этого рода мотивов должны учитываться и идеальные ценности, в частности и такие факторы, как общее мировоззрение, как религия. Религия как фактор экономического развития, поскольку она есть фактор в образовании личности, вводится таким образом в круг изучения экономической жизни [3, с. 347].

Действительно, по мере развития экономической теории «экономический человек» обогащался — экономисты осознавали, что даже в сугубо хозяйственной деятельности задействуется куда больше личностных качеств, в т. ч. и религиозные убеждения.

Потому то, против чего выступает православие, — односторонний экономизм. Оправданный как процедура научного абстрагирования, будучи абсолютизирован или возведен в мировоззренческий принцип, экономизм становится опасным как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Разумеется, бизнес предъявляет определенные требования к человеку — предприимчивость, готовность полагаться на собственные силы, рациональная расчетливость и т. д. Но разве только императивы бизнеса формируют человека? Религиозность тоже предъявляет свои требования. И эти требования вполне можно согласовать с бизнес-императивами. Более того, учет религиозных требований выступает «стабилизатором» бизнеса, тем самым способствуя его успеху и формированию эффективно функционирующей социально-экономической системы. А вот ничем не ограниченный разгул гипертрофированного экономизма может быть губительным не только для человеческой личности, но и для экономики.

Именно христианское сознание способно смягчить эгоистическую мотивацию «экономического человека», а вместе с этим и наиболее острые недостатки капитализма. Более того, корректирующее действие христианских убеждений

выступает фактором стабилизации капитализма, спасения его от рыночного фундаментализма, смертельную опасность которого осознают даже такие апологеты бизнеса, как Джордж Сорос [16].

В классической работе Вебера выявлялась связь между протестантизмом и капитализмом. Протестантская этика не только не препятствовала, но и способствовала развитию капитализма. Утверждают, что это присуще только первой стадии эволюции капиталистического общества. Однако вот признание кальвиниста Дж. Ван Андела, известного предпринимателя XX столетия, основателя весьма успешной корпорации Amway:

Я должен указать вам источник, из которого я получаю самую большую помощь, — мои личные отношения с Богом... Система свободного предпринимательства и традиционная мораль не противоречат друг другу — они превосходно дополняют друг друга [5, с. 23].

Ван Андел описывает, как религия помогает строить бизнес, формировать его стратегию, обращать плоды деятельности на пользу общества и создавать в итоге гармонию в душе человека. Можно возразить, что это кальвинизм. Но разве пример предпринимателей-староверов не убеждает в том же? Там религия стала значимым фактором созидания эффективного социально-ответственного предпринимательства.

Совместимость христианства вообще и православия в частности с предпринимательством подтверждается и современными исследователями, и практикующими бизнесменами. Причем не только совместимость, но и положительное воздействие православия на бизнес и на капиталистическую общественную систему в целом.

О положительном воздействии православия на современный отечественный бизнес пишут, в частности, А. З. Гильманов и М. М. Соловьев, ссылаясь на целый ряд авторитетных исследователей [7, с. 191–193].

К числу практических свидетельств можно отнести создание Союза православных предпринимателей, руководствующихся Этическим кодексом православного предпринимателя. Стоит также указать на книгу С. А. Шарапова и М. А. Улыбышевой, идеи которой созвучны кодексу [20].

Разумеется, вряд ли можно говорить о «православизации» отечественного бизнеса, но очевидно следующее: существует запрос на самосознание предпринимательского сословия, что выступает условием его консолидации, социального позиционирования. Православие может быть одним из факторов группового самосознания, фактором, во-первых, способствующим осознанию предпринимателями своего места в российском обществе, в том числе и в исторической перспективе, во-вторых, удовлетворяющим определенную экзистенциальную человеческую потребность в оправдании своей деятельности, связывая ее с высшими началами бытия, и при этом, что очень важно, в-третьих, фактором, не противоречащими эффективности бизнеса, а напротив, способным ее повысить.

Если ставить вопрос об «оправдании капитализма» в более теологической плоскости, то капиталистическую экономику можно рассматривать как часть испорченного грехом земного существования человека, вынужденного «в поте

лица добывать хлеб свой». Капитализм — такая организация этой непростой «добычи», которая особенно требовательна к тому, чтобы человек был христианином. Она создает слишком много соблазнов, каждый из которых, стоит только бездумно ему поддаться, оказывается губительным. Причем не только для вечной жизни, но и для земного благополучия. Напротив, «претерпевший же до конца спасется». Сумевшие сохранить христианское отношение к богатству, к ближнему, к целям хозяйственной деятельности и ее ведению — создают устойчивую и стабильно функционирующую систему буржуазного хозяйства, обеспечивающую все общество «хлебом насущным».

И хотелось бы отметить, что условия капитализма могут быть не более и не менее спасительны и в то же время опасны для человека, чем любые иные социальные формации. Разве не создавали соблазнов и одновременно условий для подвига рабовладение и феодализм? А т. н. социализм, сделавший атеизм своим знаменем?

Мы в полной мере разделяем тезис русской философии хозяйства о том, что преобразование общества немислимо без преобразования личности.

Как известно, в душе своей человек может прикоснуться к Царству Божию уже здесь, на земле.

Мы отнюдь не склонны заниматься апологетикой капитализма с христианских позиций. Равно как и доказывать антихристианскую сущность «реального социализма». На наш взгляд, формы социальной организации детерминируются в первую очередь не духовными, а «материальными» законами. Игнорировать которые, во-первых, просто глупо (не буде же здравомыслящий христианин заливать в авиационные двигатели святую воду вместо керосина для лучшего полета), а во-вторых, грешно. Ведь сказано: «не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4: 7). Не выступает ли самоуверенное игнорирование экономических и социальных законов впадением во второе искушение, которому подвергался Господь в пустыне?

Мы полагаем, вопрос должен ставиться так: что значит быть христианином в условиях капитализма (социализма, феодализма и т. д.)? И возможно, мы увидим, как христианская жизнь облагораживает любую социальную форму, и даже делает ее более эффективной.

Подобная позиция полностью соответствует принципам, выраженным в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» [9], где признается значимость всякого труда (если он не греховен), православие не связывается ни с одним из типов общественного устройства, допускается многообразие форм собственности, в условиях каждой из которых возможны и зло, и добро.

Социальную жизнь можно рассматривать как деятельную проекцию, реализацию человеческой личности. Соответственно, правильно устроенная жизнь — результат должного устройства личности. Православие вовсе не предполагает пренебрежительного отношения к хозяйству и его законам и не «ниспровергает» капитализм, борясь за обобществление собственности и рациональную организацию производства. Оно лишь выстраивает иерархию ценностей, где всему должно найтись место и именно свое место. Так и создается целостный полноценный человек и должная жизнь. В данной иерархии

материальное не имеет самодовлеющего значения, а подчиняется духовному, как средство — цели. Материальное призвано делать человека и его жизнь совершеннее, а не разрушать их. Ведь разрушение кроется именно в нарушении иерархии. Если материальное овладевает человеком и тем более вытесняет духовное — в результате теряется не только духовное, но и само материальное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Луки. — М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.
2. Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник. Толкование на Евангелие от Марка. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.
3. Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. — М.: Наука, 1993. — Т. 2: Избранные статьи.
4. Булгаков С. Н. Христианство и социализм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избр. произв. — М.: Республика, 1994.
5. Ван Андел Дж. Жизнь в действии. Автобиография. — М.; СПб.: Диля, 2008.
6. Восленский М. С. Номенклатура. — М.: Захаров, 2005.
7. Гильманов А. З., Соловьев М. М. Православие как фактор развития рыночных отношений в современной России // Вопросы экономики, права и социологии. — 2014. — № 3. — С. 191–193.
8. Катасонов В. Ю. Православное понимание экономики. — М.: Русская цивилизация, 2017.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата обращения: 29.04.2020).
10. Савицкий П. Н. Хозяин и хозяйство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
11. Святитель Игнатий Брянчанинов. Отечник. — М.: Благовест, 2011.
12. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Простое Евангельское слово. — М.: Отчий дом, 2017.
13. Семенов Ю. И. Политарный (азиатский) способ производства: сущность и место в истории человечества и России. — М.: Волшебный ключ, 2008.
14. Сомин Н. В. Почему у России нет альтернативы православному социализму // Развитие и экономика. 2012, август. С. 104–111.
15. Сомин Н. В. Православный социализм как русская идея. — М., 2015.
16. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М.: Инфра-М, 1999.
17. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. — М.: Новое изд-во, 2005.
18. Хориз Э. Был ли «социализм» идеалом священника Сергия Булгакова в первом десятилетии XX века? // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2016. — Вып. 2 (64). — С. 57–72.
19. Федотов Г. П. Социальное значение христианства. — Париж, 1933.
20. Шарاپов С. А., Улыбышева М. А. Бедность и богатство. — М.: Ковчег, 2011.
21. Экземплярский В. И. Учение Древней Церкви о собственности и милости. — Краснодар: Текст, 2013.